

П. А. БАКУНИНЪ

Если бы Павелъ Александровичъ Бакунинъ и не былъ заслоненъ монументальнымъ Михайломъ Александровичемъ, все-же, думается, его участь была бы тою-же самою, какова она сейчасъ — участію полнѣйшей безвѣстности (*): ибо это его участь обусловлена какъ разъ тѣмъ, что, казалось-бы, должно было бы привлечь къ нему интересъ — парадоксъ, какъ нельзя болѣе характерный для традиціоннаго нашего отношенія къ нашему прошлому, къ нашей культурѣ, благодаря которому собственно, исторія русской культуры доселѣ остается весьма неясной величиною. П. А. Бакунинъ, скончавшійся въ 1900 г. глубокимъ старцемъ (род. въ 1820), былъ единственнымъ изъ «идеалистовъ 40-ыхъ годовъ», сохранившимъ до конца жизни, въ чистотѣ и во всемъ его своеобразіи этотъ идеализмъ, специфическій «прему-

*) Вся литература о П. А. Бакунинѣ, насколько я знаю, сводится къ 10-15 строкамъ въ дополнительномъ томѣ Энци. Словаря Брокгауза и Эфрона (Статья о Бакуниныхъ, подписанная Рихтеромъ) и къ пяти строкамъ въ Очеркѣ исторіи русской философіи Э. Радлова (стр. 18), которыя я здѣсь выписываю: «Пожалуй, наиболѣе оригинальной книгой, на которой сказалось весьма ясно вліяніе Шеллинга и Гегеля, и въ которой очень талантливо примѣненъ діалектическій методъ, слѣдуетъ признать «Вѣру и Знаніе» П. Бакунина (СПБ. 1887), младшаго брата знаменитаго революціонера». Заглавіе и годъ изданія указаны неточно. Книга называется «Основы вѣры и знанія», и вышла она въ 1886 г. Біографическія свѣдѣнія относящіяся къ порѣ молодости П. А. Бакунина, имѣются въ извѣстномъ изданіи семейной переписки Бакуниныхъ: Корниловъ, семейство Бакуниныхъ.

хинскій» идеализмъ, о которомъ два тома изданной Корниловымъ семейной переписки Бакуниныхъ даютъ достаточное понятіе. Михаилъ Бакунинъ, Бѣлинскій, Герценъ очень рано отклонились въ противоположную сторону; у Чичерина, у Кирѣевскаго идеалистическое настроеніе легло въ основу теоретическихъ научныхъ построеній, стало возбудителемъ энергіи, направленной на общественную работу. Такъ или иначе, для всѣхъ, прямо или косвенно связанныхъ нѣкогда съ Премухинымъ, Премухино уже примѣрно съ пятидесятихъ годовъ перестало быть тѣмъ, чѣмъ оно было раньше, чѣмъ то вродѣ свѣтской Оптиной Пустыни, духовнымъ центромъ, неумирающей идеальной величиной. П. А. Бакунинъ тоже, конечно, переросъ Премухино — не будь этого, онъ представлялъ бы интересъ развѣ только для лѣтописцевъ, собирателей музейныхъ *curiosa*, — но переросъ иначе, чѣмъ другіе: переросши, не порвалъ связи съ роднымъ лономъ; въ немъ Премухино расло, «становилось» и, съ нимъ вмѣстѣ, «совершилось», говоря его гегельянскимъ языкомъ.

«Странная семья жила въ Премухинѣ», выразился Б. Зайцевъ въ своей Жизни Тургенева. Дѣйствительно, «странная» въ томъ смыслѣ, что многочисленные сыновья и дочери Александра Мих. Бакунина образовали нѣчто большее и по структурѣ болѣе сложное, нежели просто семейный кругъ. Это былъ подлинный свѣтскій орденъ, духовное братство, на основѣ общенія и въ любви и въ мысли, а также добровольнаго подчиненія одному руководителю (такъ наз — *directeur de conscience*), какимъ былъ сперва Михаилъ Александровичъ, посвятившій братьевъ и сестеръ въ тайны новаго Откровенія, гегелевой феноменологіи Духа, какимъ затѣмъ долженъ былъ стать и всѣмъ сердцемъ стремился стать Павелъ Александровичъ, и какимъ онъ не сталъ по той простой причинѣ,

что, въ силу жизненныхъ условій, само братство постепенно распалось. Въ представленіи Михаила Александровича, до случившагося съ нимъ переворота (впрочемъ, его біографомъ, г-жей Е. Извольской, хорошо показано, что и послѣ переворота, М. А. не переставалъ тянуться къ Премухину), и П. А-ча, отношенія, сложившіяся въ Премухинѣ между братьями и сестрами, а также нѣсколькими посторонними лицами, примыкавшими къ премухинскому «ордену», являлись идеальнымъ образомъ человѣческихъ отношеній вообще, тѣхъ отношеній, которыя однѣ соотвѣтствуютъ достоинству человѣка, чистой идеѣ человѣчности. Потерпѣвъ крушеніе въ своихъ мечтахъ убережь премухинское братство, П. А-чъ сталъ философомъ послѣдняго. Въ свѣтѣ интимныхъ писемъ П. А-ча выясняется, до какой степени все міровоззрѣніе его опредѣлялось этой его связью съ уже «ставшимъ», «совершившимся» премухинскимъ міромъ. И вѣроятно именно тѣмъ, что міръ этотъ, въ которомъ онъ жилъ всѣми своими помыслами, внѣ котораго для него эмпирической дѣйствительности словно не существовало, самъ выпалъ изъ области эмпирическаго бытія, опредѣлилось собою содержаніе философіи П. А-ча. Его книга *Основы вѣры и знанія* (*) посвящена исключительно «послѣднимъ вещамъ», какъ разъ тѣмъ, которыми русская интеллигенція до самаго недавняго времени сознательно пренебрегала, благодаря чему эта книга, замѣчательная по высотѣ ея философско - религіознаго строя, по глубинѣ и силѣ мысли, по рѣдкой выразительности своеобразнаго, ни съ какими условностями не считающагося, цѣликомъ

*) Его другая книга *Запоздалый голосъ сороковыхъ годовъ* была мнѣ недоступна. Объ книги — библиографическая рѣдкость. Насколько я знаю, больше ничего онъ не печаталъ. Кромѣ этой книги и Корниловскаго «Семейство Бакуниныхъ», я пользовался, для настоящаго очерка, нѣсколькими ненапечатанными письмами П. А-ча, изъ которыхъ привожу выдержки.

отражающаго авторскую индивидуальность языка, прошла совершенно незамѣченною, — какъ если-бы она никогда не была написана и напечатана.

Въ одномъ изъ своихъ (ненапечатанныхъ) писемъ поздняго времени (1890 г.) П. А. Бакунинъ говоритъ о строгомъ и суровомъ характерѣ русской природы, которая соотвѣтствуетъ характеру русскаго человѣка.

«Онъ, что бы ни дѣлалъ, чѣмъ бы ни занимался и ни обставлялъ себя, — за всѣмъ этимъ, ни на мигъ не забывая, постоянно вѣдаетъ о другомъ... Изъ подъ всего поверхностнаго и поддѣльнаго неподдѣльная истина взираетъ на него, сказывается ему строго какъ смерть, неизмѣнно какъ небо, безъ той артистической шаловливости ума и сердца, которая такъ естественно развивается подъ небомъ Италіи. Вотъ Л. Н. Толстой писалъ, писалъ — писалъ прелестныя вещи, — и вдругъ всѣ эти прелести ему словно опротивѣли, дохнули на него своимъ обманнымъ безсмысліемъ и онъ, не уразумѣвъ Пушкина, вслѣдъ за Гоголемъ, даже Достоевскимъ, ринулся очертя голову, въ эту суровую неприютную азіатскую пустыню, въ аскетизмъ сердца, отрѣшеннаго отъ всякаго обмана и всякой прелести, въ эту нѣмую бездну, изъ которой смутно или ясно выступаетъ лишь все другое, — то неминуемое, то суровое, то нетерпящее ни шалости ни шутокъ жизни, о которомъ русскій человѣкъ, несмотря на всѣ усилія свои, никакъ забыть не можетъ. Впрочемъ, этотъ русскій человѣкъ, о которомъ я говорю, котораго имѣю въ виду, которому приписываю не умъ и не остроуміе, а то, что называется русскимъ-же словомъ мудрость, — есть лишь одно изъ моихъ представленій; я не знаю, гдѣ я его видѣлъ. Вездѣ и нигдѣ, всего вѣрнѣе — въ мечтѣ своей, въ своемъ бредѣ по поводу жизни, а мой бредъ для настоящихъ русскихъ людей, которыхъ всюду видишь и встрѣчаешь, ока-

жется, пожалуй, совершенно непонятнымъ бредомъ».

Въ этомъ отрывкѣ находимъ вмѣстѣ и міропониманіе и міроощущеніе П. А. Бакунина, и характеристику его какъ особаго типа мыслителя, и указаніе на его мѣсто въ исторіи русской культуры и на его судьбу. Онъ самъ и былъ тѣмъ «постулируемымъ» русскимъ человѣкомъ, котораго онъ противопоставляетъ «настоящимъ», т. е. эмпирически существующимъ русскимъ людямъ, тѣмъ «миѳомъ» о русскомъ человѣкѣ, который для историка національной культуры, подлиннѣе, реальнѣе, множества «реальныхъ» людей, поскольку въ немъ воплощена извѣстная культурная тенденція. И онъ принадлежалъ, вмѣстѣ съ Толстымъ, къ типу мыслителей, которыхъ характерной чертою является именно мудрость, а не умъ и не остроуміе, хотя послѣдніе мудростью и не исключаются. Мудрецъ своей идеей живетъ; его жизнь неразрывно связана съ его мыслью и всецѣло ею опредѣлена. Съ чѣмъ бы не соприкасался П. А. Бакунинъ, съ какой-бы чисто-практической житейской задачей онъ не сталкивался, — все приводило его къ его идеѣ, все воспринималось имъ символически и *sub specie aeternitatis*, все обращало его помышленіе къ «ставшему», отошедшему въ вѣчность Премухину и вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ къ тому, что онъ благоговѣйно - цѣломудренно называлъ словомъ *Другое*: «вся наличная жизнь моя, писалъ онъ въ 1890 г., есть... одно лишь раздумье, исполненное Премухинымъ и его былымъ содержаніемъ: предомною возникаютъ одинъ за другимъ любимые образы. Гдѣ они? Всѣ ушли въ даль, въ необъятную среду всего, что уже стало и совершилось, что навсегда изъято изъ всѣхъ колебаній и превратностей текущаго, безпокойнаго мгновенія; оно уже совершено; не есть ли оно потому и вполнѣ совершенно?..»

Мудрость не имѣла бы никакой цѣны, если бы достигалась безъ борьбы, безъ усилій, если бы не была разрѣшеніемъ трагедіи души:

«я... буду доживать свой вѣкъ, какъ смогу, въ своей Щели (его крымская дача) съ своими воспоминаніями, со своею мечтою, въ одиночествѣ, въ сферѣ философіи, безбрежной какъ море, какъ міръ надзвѣздный. Человѣку свойственно любить берега; когда они теряются изъ вида, душу его охватываетъ волна иного, неземного смысла, и съ непривычки ему отъ этого становится не по себѣ — на него наступаетъ ему непонятное, или совершенно незнакомое Другое. Но надо привыкать. Все преходящее проходитъ и пройдетъ; остается, пребываетъ на вѣки лишь то, чѣмъ обладаешь въ одиночествѣ. Вотъ такъ и я теперь: оторвался на старости лѣтъ отъ всего любимаго и привычнаго, и учусь, пытаюсь привыкнуть къ непривычному, къ безграничному, къ тому, что есть совсѣмъ не то, а нѣчто безусловно другое. Кто умѣетъ познать и еще болѣе, кто умѣетъ по-любить, сдѣлать себѣ близкимъ, привычнымъ, роднымъ это безконечно далекое, безусловно-Другое, тотъ будетъ жить, гдѣ бы то ни было, безконечно легко, свободно. Лучшее, что есть въ жизни, есть дружба, но и дружбою означается лишь связь, лишь родство съ другимъ — вся жизнь, вся свобода ея» (14 іюня 1889 г.).

Въ послѣднихъ словахъ ярко выражена связь между міропониманіемъ П. А. Бакунина и романтической почвой, на которой оно выросло. Это почва неоплатоническихъ представленій эпохи Ренессанса, съ его мистикой любви и дружбы какъ пути къ сліянію души съ Всеединымъ, съ «другимъ», представленій, возродившихся въ эпоху романтизма. «Жизнь есть пламень, писалъ Бакунинъ. Когда горитъ одна лучинка, она, въ своемъ одиночествѣ, больше дымитъ и чадитъ — и гаситъ

себя своимъ собственнымъ дымомъ и чадомъ. Горя вмѣстѣ, онѣ горять пламеннѣе, яснѣе, въ ихъ пламени сгораютъ безъ остатка и весь дымъ, весь чадъ» (17 февр. 1890 г.).

Любовь и дружба, какъ и всѣ вообще отношенія къ частному, ограниченному, эмпирическому, — только путь къ «Другому». Мудрость неразлучна съ нѣкоторымъ квіэтизмомъ. Живущій въ «томъ» «другомъ» невольно отчуждается отъ «этого» и взирая на жизнь съ высоты, по отношению къ ея запросамъ, занимаетъ пассивное положеніе.

«Помимо тебя, въ силу тебѣ неизвѣстныхъ и отъ тебя независящихъ условій, совершается теченіе жизни. Сверху, съ горы свалилась тяжелая глыба и подавила собою много народу; а былинка внизу, тоже сломанная этою тяжестью, упрекаетъ себя, зачѣмъ она не удержала этой глыбы. Жизнь течетъ какъ рѣка, намъ ея теченія не измѣнить; но мы можемъ внимательно и ясно подмѣчать ея измѣненные берега и предвидѣть по нимъ, куда направляется главное теченіе. Строить, подводить плотины, чтобъ ими прекратить теченіе, я думаю, есть совершенно праздно дѣло» (29 янв. 1889 г.).

Все же надобно различать отдѣльные типы мудрости. Квіэтизмъ, фатализмъ мудреца нерѣдко коренятся въ индифферентизмъ и притомъ индифферентизмъ, такъ сказать, метафизическаго свойства, индифферентизмъ, обусловленномъ его онтологіей. Всеединое переживается такимъ мудрецомъ какъ безкачественное, какъ нѣкоторое чистое Ничто, абсолютный нуль. Къ подобному индифферентизму тяготѣла мудрость Толстого, его учителя Шопенгауэра и ихъ общаго учителя, Будды. Этой восточной мудрости противостоитъ западная, мудрость неоплатониковъ Ренессанса. Единство Абсолюта есть единство въ многообразіи, единство *предѣла*, состоящее въ томъ, что всѣ частичныя

опредѣленія въ немъ укоренены и всѣ цѣнности въ немъ пріемлютъ свое начало и къ нему тяготѣютъ. Въ каждой эмпирической величинѣ наличествуетъ Абсолютное, но въ каждой по разному. Существуютъ степени приближенія къ Абсолютному и, соотвѣтственно этому, существуетъ іерархія вещей и цѣнностей. Отсюда у великихъ мыслителей Запада обостренное чувство индивидуальности. Бакунинъ являетъ собою послѣдній типъ мудреца. Его отношеніе къ людямъ діаметрально противоположно толстовскому индифферентному морализму: «Ненавижу дешевую, безъ разбора и всякому себя дарующую, якобы великодушную личину дружбы: люблю и того, люблю и ту, нахожу въ нихъ достоинства, потому что я неисчерпаемый источникъ снисхожденія и милости. Такое великодушіе — грубость» (17 февраля 1890 г.).

Здѣсь мы подошли къ центральной идеѣ Бакунина, вѣрнѣе къ его единственной идеѣ — мудрецъ всегда однодумъ, ибо только одной идеей можно проникнуться настолько, чтобы она вошла въ плоть и кровь человѣка, чтобы ею исчерпывалась его личность. Эта идея Бакунина, которой посвящена его книга, которая имъ развивается тамъ на сотню ладовъ, — идея личнаго безсмертія. Подобно Толстому, Бакунинъ весь поглощенъ проблемой смерти. Оба они, размышляя надъ этой проблемой, пришли къ заключенію, что смерти нѣтъ, есть только жизнь. Но эта формула у каждого изъ нихъ, покрываетъ совершенно различныя содержанія. Оба различаютъ степени и такъ сказать качества смерти. Для Толстого чѣмъ «проще» существо, тѣмъ «лучше» оно умираетъ. Простой мужикъ въ *Трехъ Смертяхъ* умираетъ «лучше» образованной барыни и дерево умираетъ «лучше» мужика. Если додумать мысль Толстого до конца, то окажется, что его отрицаніе смерти, собственно, равносильно отрицанію жизни — таковъ неиз-

бѣжный тупикъ восточной мудрости съ ея концепціей Всеединого какъ Ничего.

Словно отвѣчая Толстому, Бакунинъ развиваетъ свое ученіе о смерти: чѣмъ полнѣе, чѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ богаче и разнообразнѣе въ чемъ-либо проявляется Все-жизнь, тѣмъ полнѣе, тѣмъ «совершеннѣе» умираетъ соотвѣтствующій носитель жизни. Что это значить? Камень не умираетъ потому что не живетъ. Дерево, которое, повинувшись смутному жизненному порыву, растеть гдѣ бы то ни было, «лишь бы ему дали позеленѣть», уже умираетъ -- столь же рудиментарно, какъ жило оно. Животное живетъ полнѣе: оно еще не сознаетъ себя, но сознаетъ среду въ которой оно находится, оцѣнивая ее съ точки зрѣнія своихъ выгодъ и интересовъ, точнѣе — выгодъ и интересовъ вида, котораго оно является особью, который оно «представляетъ». Оно и умираетъ какъ особь, могущая быть замѣщенной другой особью того-же вида. Но самосознающая человѣческая личность есть именно личность, а не просто особь. Она единственна и неповторяема. Она не можетъ быть замѣщена никакою другою личностью. Поэтому, въ мірѣ эмпириі, смерть всякаго человѣка есть невозмѣстимая утрата. Другими словами, только человѣкъ умираетъ «вполнѣ». И чѣмъ ярче выражена человѣческая индивидуальность, чѣмъ полнѣе, богаче его духовная жизнь, тѣмъ полнѣе и его смерть. Человѣкъ, какъ личность, а не какъ особь, живетъ только духовно. Жизнь личности есть самосознаніе», «саморазумѣніе», разумѣніе своего собственнаго «смысла», какъ выражается Бакунинъ. Человѣкъ ѣсть, пьетъ, спитъ и проч., какъ всѣ другіе люди. Поскольку онъ совершаетъ эти свои отправленія, онъ только особь, не - личность. Въ качествѣ особи онъ и умираетъ, какъ особь, т. е. только относительно. Лишь какъ личность, умираетъ онъ безусловно.

Съ точки зрѣнія позитивно-матеріалистической концепціи міра и жизни эта истина должна восприниматься какъ философски-возмутительный, возмущающій наше сознание, абсурдъ. А между тѣмъ это такъ. Разрѣшеніе этой апоріи возможно лишь путемъ усмотрѣнія абсурдности самой «научной», т. е. позитивистско - матеріалистической концепціи жизни. Предвосхищая Бергсона, Бакунинъ доказываетъ, что понятіе «мертвой матеріи» есть продуктъ «практическаго» разума, дѣло котораго анализировать, расчленять живое для пользованія имъ. Но интуитивное постиженіе міра не открываетъ въ немъ ничего, кромѣ формъ и степеней жизни, соотвѣтствующихъ степенямъ сознанія. Сводя жизнь къ фізіологическимъ процессамъ, подчиняя эти послѣдніе законамъ физики, химіи, механики, наука о жизни тѣмъ самымъ утрачиваетъ свой собственный объектъ, занимается собственно не - жизнью, а чѣмъ то другимъ, — мертвечиной, смертью. Смерть воспринимается людьми, руководящимися разумомъ, т. е. средствомъ нашей ориентировки въ мірѣ эмпирии, въ сферѣ практической дѣятельности, въ которой мы всѣ живое трактуемъ, какъ «мертвыя вещи», какъ предметы пользованія, — какъ распадъ матеріи, какъ переходъ вещи въ бессмысленное «ничто». Не понимая жизни, люди не въ состояніи понять и смерти. Какъ можетъ уничтожиться, перейти въ ничто самосознаніе личности. «Самосознаніе есть разумѣніе своего «смысла», т. е. своего отношенія къ Все-жизни, Все-единому; нельзя понять, какъ ограниченное пространствомъ и временемъ сознаніе въ состояніи мыслить безсмертнаго Бога, не будучи само причастнымъ безсмертію и Божеству. Смерть есть завершеніе личности; въ смерти отъ нея отпадаетъ то, что для нея случайно, то, въ силу чего она является, въ мірѣ эмпирии, не только личностью, но и особью, что въ ней не повторяемо,

не единственно, не незамѣнимо. Въ смерти личность реализуется полностью и окончательно. Смерть можетъ быть уподоблена забвенію. Если жизнь есть сознаніе, т. е. мысль Духа о себѣ, саморазумѣніе становящагося Духа, то всякая индивидуальная смерть знаменуетъ собою новый моментъ въ становленіи его. Если зерно не умретъ, оно не прозябнетъ. То, что нашимъ сознаніемъ ассимилировано до конца, нами забыто. Всѣ наши переживанія забываются нами, если они уже вошли въ нашу плоть и кровь, стали неотъемлемой частью нашего сознанія: покуда я помню что-либо, какъ нѣчто само по себѣ существующее, покуда оно противостоитъ моему Я, какъ предметъ моего сознанія, покуда оно не умерло во мнѣ, оно еще и не живетъ во мнѣ. Такъ и личность, мысль Бога, — покуда она живетъ въ эмпирическомъ мірѣ, она еще не живетъ въ Богѣ, еще противостоитъ ему; умерши, она въ Немъ обрѣтаетъ жизнь вѣчную. «Воспоминаніе есть ставшая мысль, или источникъ жизни въ самой смерти, писалъ П. А. Бакунинъ сестрѣ Татьянѣ въ 1850 году. Поймешь-ли ты, если развернувь эту мысль въ безконечность, я скажу тебѣ: естественная смерть человѣка есть воспоминаніе Бога. Для насъ же это безконечное забвеніе, но такое забвеніе есть ставшая мысль, а мысль есть источникъ явленія. Потому тотъ кто умеръ, собственно родился. Это — безсмертіе» (Корниловъ, Семья Бакуниныхъ, II, 405). Онъ подчеркиваетъ, что безсмертіе есть необходимо личное. Сліяніе личности со Всеединымъ не есть какое-то разложеніе личности, раствореніе ея во Всемъ; а напротивъ окончательное завершеніе ея единственности и неповторяемости. Подобно величайшему представителю индивидуалистическаго идеализма Ренессанса, Николаю Кузанскому — вѣроятно, независимо отъ него (П. А. Бакунинъ нигдѣ не упоминаетъ о

немъ) — Бакунинъ поясняетъ свою мысль, пользуясь символами математики:

«...самая сущность, которою человѣкъ живетъ, дышетъ и есть онъ самъ, можетъ быть уподобляема по своему значенію тому, что представляется каждою изъ отдѣльныхъ теоремъ математики: каждая изъ нихъ, выражая собою лишь нѣкоторую истину, преисполнена тѣмъ не менѣе всею цѣлостью всеобщаго математическаго смысла; и потому ни которая изъ нихъ не подлежитъ ни отмѣнѣ, ни даже какому-либо измѣненію, какое бы значеніе ни имѣли, какія бы истины ни выражали безчисленные, дальнѣйшія опредѣленія, положенія и теоремы всей необъятной математической сферы. Отмѣною значенія одной изъ такихъ теоремъ отмѣнялась бы и вся математика, потому что всеобщій смыслъ, которымъ она живетъ и дышетъ, есть тотъ самый смыслъ, которымъ одушевлена и каждая изъ ея малѣйшихъ теоремъ... Такъ точно и дѣйствительность человѣка не въ томъ только, что онъ, какъ существо разумное, исполненъ всѣмъ значеніемъ всеобщаго смысла бытія..., но и особенно въ томъ, что онъ, какъ это особое, единичное существо, есть въ своей единичности, особая, никакимъ инымъ образомъ незамѣнимая истина бытія, вслѣдствіе чего, его особенности невозможно ни отмѣнить, ни вычеркнуть изъ дѣйствительности: она пребываетъ въ ней ея неизмѣнною, вѣчною чертою» (Основы вѣры и знанія, 385 сл.).

Вѣчная жизнь въ Богѣ есть единеніе всѣхъ личностей въ полнотѣ абсолютной Личности. Царство Божіе есть сфера чистыхъ индивидуальностей, абсолютно несводимыхъ одна на другую. Н. О. Лосскій, высказывая ту же мысль, удачно поясняетъ ее примѣромъ родителей, которые на вопросъ сколько у нихъ дѣтей, отвѣчаютъ называя не число, скажемъ три, но три имени (см. Типы міровоззрѣній, стр. 170). Чистые индивидуумы счету не по-

длежать, ибо каждый изъ нихъ величина sui generis. Если бы боги говорили, они говорили бы только собственными именами, сказалъ Гете.

Религія Бакунина не могла быть вѣрой въ «Абсолютное вообще». При остротѣ его воспріятія индивидуальнаго начала, предметъ его вѣры обязательно долженъ былъ воплощаться въ личности. Повидимому онъ стоялъ далеко отъ установленной церкви. Но онъ настойчиво и категорически указывалъ, что его религія есть религія Христа. Въ образѣ Христа открывалась ему идея Личнаго Бога — необходимый коррелятъ его идеи личнаго безсмертія человѣка.

Достоевскій говорилъ, что всякая идея есть непременно «чья-нибудь» идея. Всякая идея воплощается въ личности, и не можетъ быть «одной и той же идеи», исповѣдываемой двумя людьми. Это вѣрно постольку, поскольку дѣло идетъ о переживаніи кѣмъ либо какой-либо идеи, — но вѣдь только въ этомъ случаѣ и можно говорить о чьихъ-либо убѣжденіяхъ. Обычно-же люди исповѣдуютъ» извѣстныя убѣжденія, просто твердя ихъ съ чужого голоса, какъ попугаи. Въ Бакунинѣ замѣчательно то, что его идея, взятая съ ея формально - логической стороны, находилась въ полномъ согласіи съ его характеромъ, его темпераментомъ, что ею какъ-бы исчерпывалось его Я. Въ напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Послѣднихъ Новостяхъ» воспоминаніяхъ Елпатьяевскаго рассказано, съ какой ясностью духа, какъ торжественно - радостно умиралъ Бакунинъ, отходилъ къ Другому, завершая земной подвигъ своего становленія.

Его отрицаніе смерти какъ уничтоженія, перехода въ «ничто», его утвержденіе жизни, это его «Фаустовское» основное убѣжденіе (Фауста онъ называлъ «азбукой образованности») коренилось въ его фаустовской же любви къ жизни — и именно

къ той ея сферѣ, гдѣ она проявляетъ себя всего чище, откровеннѣе, непринужденнѣе, — къ Природѣ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи его письма, писанныя въ старости. Между тѣми, которыми я могъ воспользоваться, нѣтъ ни одного, гдѣ бы не было подробныхъ, педантически - точныхъ указаний на состояніе погоды, колебанія температуры, состояніе тѣхъ или иныхъ растений. Можно подумать, что это проявленіе старческаго автоматизма. Но при внимательномъ чтеніи нельзя не убѣдиться въ другомъ. Это всматриваніе въ Природу, при которомъ каждая мелочь дорога, объясняется тѣмъ, что Природа была для Бакунина живымъ образомъ Другого. Въ его описаніяхъ природы есть любопытнѣйшая черта, которая, кажется, ему одному свойственна: настолько остро его воспріятіе жизни, пульсирующей въ Природѣ, что о ея явленіяхъ онъ говоритъ какъ о людяхъ, что они, для него, допускаютъ юмористическое къ себѣ отношеніе. Такъ онъ описываетъ медленное (не такъ, какъ на сѣверѣ) наступленіе весны въ Крыму:

«Трудненько ей, потому что она имѣетъ дѣло не съ чувствительными, не съ податливыми на малѣйшую ласку кустиками смородины, жимолости, не съ рябинками и съ березками, а все съ тяжелыми на подъемъ дубами, буками и металлическими, вѣчно - зелеными кустами и деревьями, которыя требуютъ много тепла, чтобъ очнѣуться къ жизни; не то чтобъ разомъ изъ постели вскочить на ноги и побѣжать взапуски, куда глаза глядятъ, куда вѣтеръ несетъ; нѣтъ, а словно барыни, съ прохладою, — подай имъ еще въ постели — чаю что-ли или шоколаду: иначе ни за что не встанетъ» (16 февр. 1890 г.).

Красота Природы, полнота ея жизни воспринимались имъ какъ залогъ незыблемости закона Добра, господствующаго въ мірѣ: «Не только доб-

рые люди, но и самая природа съ ея внушеніями, требованіями и законами всегда содѣйствуютъ добру, и лишь бы бодрствовать и не предаваться унынію, все новое, которое возбуждаетъ страхи и опасенія, обратится въ свое время въ доброе», писалъ онъ (29 янв. 1889 г.).

Въ оптимистическомъ фатализмѣ обычно есть элементъ пошлости, обусловленной равнодушіемъ къ злу, поверхностнымъ, безотвѣтственнымъ отношеніемъ къ жизни. Не таковъ былъ оптимизмъ Бакунина. Этотъ оптимизмъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, который такъ хорошо подмѣченъ и такъ убійственно высмѣянъ въ Кандидѣ. Ибо у Бакунина оптимизмъ сочетался съ очень строгимъ отношеніемъ къ жизни и очень повышенными, даже ригористическими требованіями къ ней, а также съ очень трезвымъ и сочувственнымъ пониманіемъ ея запросовъ, ея собственнаго права. На него произвела сильнѣйшее впечатлѣніе «Крейцера Соната». Никто, по его мнѣнію, не проникнулъ столь отважно и столь глубоко въ трагедію семейной жизни, какъ Толстой. Толстой обнажилъ конфликтъ, неизбежный, неустрашимый, необходимый, между «сердцемъ» («распущенностью») и долгомъ («Домостроемъ»), конфликтъ трагическій и, для обыденнаго сознанія, безысходный. Его преодоленіе мыслимо только путемъ снятія этого противорѣчія обоихъ началъ въ синтезѣ, т. е. въ религіозномъ воспріятіи жизни. Мораль, извлеченная Бакунинымъ изъ толстовскаго произведенія, безконечно далека отъ той «буддистско-шопенгауэровской», негативной, антигуманной и антиобщественной морали, которую извлекъ изъ него самъ Толстой. Истинная любовь, рассуждаетъ Бакунинъ, — любовь человѣка къ человѣку въ Богѣ. Такая любовь не сталкивается съ долгомъ, напротивъ, становится основой и источникомъ его. Долгъ, несущій въ себѣ самомъ свою собственную

религіозную санкцію, уже не имѣетъ ничего общаго съ долгомъ, налагаемымъ извнѣ, съ «Домостроемъ». Только при религіозномъ отношеніи къ жизни осуществляется единеніе свободы и необходимости.

* * *

Какъ опредѣлить мѣсто П. А. Бакунина въ исторіи русской культуры?

Ученіе Бакунина о личномъ безсмертіи, о степеняхъ и «сортахъ» смерти надо сопоставить съ мыслями другого гегельянца, Бенедетто Кроче, автора книги подъ многозначительнымъ заглавіемъ: *Что живо и что мертво въ философіи Гегеля*. Въ ней, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ книгахъ и статьяхъ, Кроче развиваетъ, примѣнительно къ исторіи и исторіи философіи, взгляды, близкіе къ взглядамъ Бакунина. Идеи обоихъ гегельянцевъ, русскаго и итальянца, восходятъ, конечно, къ идеѣ ихъ учителя — о различіи между дѣйствительно «сущимъ» («разумнымъ») и «бывающимъ», между вѣчнымъ и смертнымъ. Для Кроче всякая исторія, заслуживающая этого имени, есть исторія современности, поскольку исторія все минувшее, отошедшее, «ставшее» расцѣпываетъ какъ уже вѣчно живущее въ насъ — или вовсе отбрасываетъ. Исторія, не дѣлающая различія между «ставшимъ» и просто «бывшимъ», есть лже-исторія (*falsa storia*). Чтобы понять это, пусть каждый, однажды прикоснувшійся къ Божественной Комедіи, къ Братьямъ Карамазовымъ, къ V-ой симфоніи, попробуетъ вообразить себя безъ нихъ, попробуетъ вспомнить, чѣмъ онъ былъ, когда еще не зналъ этихъ или иныхъ величайшихъ продуктовъ челоуѣческаго духа. Это просто невозможно. Намъ кажется, что мы родились уже съ знаніемъ о нихъ. И когда мы воспринимали эти цѣнности впервые,

намъ казалось, что мы ихъ узнаёмъ. Въ этомъ — истина Платонова ученія объ анамнезѣ. Съ людьми то же, что и съ цѣнностями. Люди сходятся и расходятся другъ съ другомъ и забываютъ другъ о другѣ, другъ для друга умираютъ, въ общепринятомъ значеніи этого слова. Но есть другія связи, другія встрѣчи. Есть отношенія, надъ которыми бессильно время, есть связи нерасторгаемыя эмпирической смертью. И вотъ, послѣ того какъ я прочелъ *Основы вѣры и знанія*, прочелъ нѣкоторыя письма П. А. Бакунина, я уже не могу себѣ вообразить русской культуры безъ него, я уже не могу вообразить себя безъ него. Его духовный опытъ мнѣ представляется столь-же изъятымъ изъ потока времени, столь же необходимо, «разумно» существующимъ, неустрашимымъ, какъ и духовный опытъ его современниковъ, Толстого и Достоевскаго. Достоевскій поставилъ Богу вопросы, какихъ, со временъ Іова, Ему никто не ставилъ, поставилъ ихъ рѣзче, категоричнѣе, острѣе — и эти вопросы, на которые на землѣ никто не можетъ дать отвѣта, стоятъ съ тѣхъ поръ передъ каждымъ сознаниемъ и будутъ стоять, пока міръ стоитъ. Толстой предъявилъ къ жизни требованія, какихъ до него никто не предъявлялъ — и пусть, убѣдившись, что жизнь не можетъ удовлетворить этихъ требованій, онъ нашелъ выходъ въ томъ, что всякому здоровому сознанию отвратно — въ отрицаніи жизни: сами эти требованія, будучи разъ предъявлены, уже какъ-бы обязательны для всякой человѣческой совѣсти. Мы не можемъ себѣ представить русской культуры, міровой культуры, безъ вопросовъ Достоевскаго и требованій Толстого. Въ П. А. Бакунинѣ не было этого титанизма. Онъ былъ и скромнѣе и умѣреннѣе. Онъ не ставилъ Богу никакихъ вопросовъ и не предъявлялъ къ жизни чрезмѣрныхъ требованій. Его духовный опытъ былъ иного рода. Какъ мало кто,

онъ былъ проникнутъ чувствомъ іерархіи вещей и цѣнностей, черта, свидѣтельствующая о великомъ душевномъ равновѣсіи, результатъ его собственной, сознательно проведенной, аскезы: «Равновѣсіе, спокойное сознаніе, pleine et entière sécurité de soi-même, писалъ онъ въ 1890 г., достигаются не иначе какъ въ силу установленнаго, ничѣмъ не возмущаемаго, довѣрчиваго отношенія (— отнесенія, П. Б.) всего страстнаго и преходящаго въ трепетномъ сердцѣ человѣка къ безконечному, къ высшему — въ области красоты, добра и истины. Руководство въ эту область дается только правильно сложившимся вкусомъ, этимъ интимнымъ сужденіемъ самой жизни, которымъ она безошибочно распознаетъ и различаетъ все живое отъ мертваго, все истинное и прекрасное отъ пошлаго». Толстой и Достоевскій острѣе воспринимали трагизмъ жизни, глубже проникали въ ея тайны, сильнѣе реагировали на исходящіе отъ нея импульсы и раздраженія. Но П. А. Бакунину была въ большей степени присуща способность благоговѣнно, религіозно относиться къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ — именно благодаря этому его «правильно сложившемуся вкусу», т. е. трезвому пониманію относительности цѣнностей, восприимчивости къ оттѣнкамъ, умѣнью каждую вещь мѣрять ея собственной мѣрою. Благоговѣнія передъ высшими цѣнностями, бережнаго, серьезнаго отношенія къ жизни, чувства ответственности — вотъ чего онъ въ первую очередь требовалъ отъ людей. Отклоненіе отъ этого встрѣчало съ его стороны суровый отпоръ

«Прочель, писалъ онъ въ 1889 г., вновь издаваемый въ Москвѣ (Философскіе вопросы) журналъ психологическаго общества. Очень жидко и слабо; все словно ученическіе опыты, отзываются зеленью, незрѣлостью и притомъ особою заносчивостью. Думалъ въ статьѣ Вл. Соловьева найти

что-нибудь: нашель напутанность, отсутствіе страха и уваженія къ тому, о чемъ пишетъ. Русская черта: это мы все *могимъ!* А жаль; у Ал. Ив. Эртеля, при всѣхъ его неудачахъ, мнѣ именно нравится чувство благоговѣнія, страха, которыми онъ проникнуть къ тому, что пытается высказать. Но большинство нашихъ писателей и мыслителей никакого страха не вѣдаютъ, похаживаютъ съ полнотою самоувѣренности въ огородѣ, обнесеннымъ плотнымъ заборомъ ихъ ограниченности, безъ всякой перспективы въ даль».

Не прекраснородушная, благодушная, въ существѣ своемъ равнодушная терпимость — она была вполне чужда Бакунину, воспринималась имъ какъ «грубость», — а именно эстетическая интуиція, воспріятіе единства въ многообразіи качествъ, гармоніи въ разногласіяхъ жизни, наполняли его душу чувствомъ *довѣрія* къ Богу и къ міру. Этого чувства былъ лишень Достоевскій. Толстой столь наивно - рационалистически «объяснялъ», какъ законъ добра торжествуетъ надъ зломъ и какъ «хозяинъ» все устраиваетъ къ лучшему (если бы не умеръ человекъ въ дѣтствѣ, то, возмужавъ, сталъ бы негодяемъ и т. под.), что въ его оптимизмъ плохо вѣрится. Ихъ доминирующее чувство, то, которое обуславливаетъ ихъ величіе и ихъ непреходящую цѣнность, это исключительно острое чувство «тревоги». Чувство это не было чуждо Бакунину, умѣлъ же онъ понимать Толстого и Достоевскаго, — но чувство довѣрія перевѣшивало. Его привычное жизнеощущеніе хорошо выражено имъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ одного изъ его писемъ (16 февр. 1890 г.), вообще характерномъ для него: «Мы съ три недѣли почти что солнца не видѣли: все небо, всѣ горы и все море были закутаны тяжелыми тучами и туманами; изрѣдка изъ-за нихъ выглядывали снѣжныя вершины. Но сейчасъ туманы разошлись и пожалуй въ первый разъ

блеснулъ весенній день; море подъ безоблачнымъ небомъ катитъ свои голубыя волны, горы съ ихъ снѣжными вершинами нѣжно обрамливаютъ его, словно въ объятіяхъ, — а оно не дается, шумитъ и бьется въ берегъ, далеко разливаясь махровою, снѣжно-бѣлою пѣною по отлогому песку, и шумитъ грохочетъ камушками, полируетъ, третъ другъ о друга: люди — тѣ-же камушки; кто-же играетъ такъ съ ними, кто такъ заботливо полируетъ ихъ жизненной волною, чтобъ тоже были гладкими?..»

Невозможно равнять П. А. Бакунина съ Толстымъ и Достоевскимъ. Но можно и должно опредѣлить его отношеніе къ нимъ. Метафизическое «довѣріе» Бакунина — необходимое, въ діалектикѣ Духа, дополненіе къ ихъ метафизической «тревогѣ», какъ сама эта тревога необходима въ качествѣ дополненія къ его «довѣрію».

П. Бицилли.